

В.В. СОГРИН

Либерализм в России: перипетии и перспективы

Одним из сенсационных явлений истории России конца XX века стал возврат либерализма, принадлежащего к числу ведущих мировых идеологий. Воспринятый российским обществом в 1987-1988 годах в качестве своего рода дополнения к социализму, либерализм затем стремительно обретает самостоятельность и одерживает триумфальную победу над господствовавшим более 70 лет режимом. В 1991 году политические силы, выступавшие под либерально-демократическим знаменем, фактически мирным путем взяли политическую власть в России. Но не менее поразителен последующий поворот: не прошло и года после начала "чистых" либеральных реформ, как массы разочаровались и в них, и в своих прежних политических кумирах. В дальнейшем влияние либерализма в России неуклонно снижалось, и сегодня он пребывает в состоянии глубокого кризиса.

Представители национал-патриотического и коммунистического лагеря рассматривают либерализм как чужеродное явление, вернувшееся в Россию по воле случая. По их утверждению, либерализм в России вообще не жизнеспособен. Сторонники противоположного, демократического, лагеря выступают совсем с иными суждениями, но единодушия в понимании драматических судеб либерализма нет. Одна из точек зрения принадлежит "разочаровавшимся" демократам, которые объясняют неожиданный для них поворот реформ "перерождением" своих политических соратников, оказавшихся у власти после 1991 года, а также тем, что те действовали не в строгом соответствии с заветами либерально-демократического движения оппозиционного периода. Явная противоречивость заключена в оценках Л. Тимофеева, одного из видных идеологов современного российского либерализма. В 1993 году он объявил величайшей, роковой ошибкой демократов из диссидентского лагеря то, что они в конце 80-х годов вступили в альянс с "демократами" из КПСС и помогли этим "двуличным политикам" прийти к власти. Стремительное нравственное падение последних, по его заключению, дискредитировало либеральную демократию в целом [1]. В 1995 году Тимофеев высказывался уже в том духе, что в России не было и нет условий для либерально-демократического общества, причем главными противниками последнего объявил уже не эгоистические "верхи", а консервативные "низы", в первую очередь патриархальное в своей массе крестьянство [2].

Приведу оценки Е. Гайдара, "отца" российских либеральных реформ. Они также явно противоречивы: с одной стороны, утверждается, что либеральные реформы не были воплощены в том виде и в той мере, как это было задумано, по причине сопротивления со стороны промышленных и аграрных "генералов" [3], с другой стороны, говорится, что эти реформы и не могли принести иных результатов, кроме тех,

С о г р и н Владимир Викторович - доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала "Общественные науки и современность".

которые дали (из второй оценки следует, что отнюдь не консервативные круги, а сам Гайдар проторил дорогу номенклатурному капитализму) [4].

В отличие от приведенных оценок, я исхожу из объективной обусловленности как идейно-политических успехов либерализма в России на рубеже 1980-1990-х годов, так и упадка его влияния после 1992 года. И если объективные причины успехов либерализма свидетельствуют о том, что в России были предпосылки для либерально-демократических реформ, то объективные причины неудач и кризиса либерализма обнаруживают, что та конкретная либерально-демократическая модель, которая была воспринята российскими поборниками либерализма, не могла дать в России ожидаемых результатов.

Начало укоренения либеральных принципов в России связано с именем М. Горбачева. Его реформаторская деятельность разделяется на два периода, причем "расчистка" почвы для либерализма относится ко второму. Реформы Горбачева первого этапа - 1985-1986 годы - укладывались в рамки традиционных командно-административных мер по "ускорению" строительства социализма. Провал всех основных реформ первого этапа объективно свидетельствовал об исчерпанности возможностей модернизации общества на традиционной социалистической основе.

Второй этап деятельности Горбачева, начало которому положил январский (1987 г.) пленум ЦК КПСС, означал коренную перемену стратегии реформ. Командно-административные методы были осуждены и отвергнуты, а вместо них на вооружение была взята стратегия соединения социализма с демократией. С этого момента начинается укоренение в СССР как демократических, так и классических либеральных ценностей.

Здесь необходимо теоретическое пояснение двух понятий - "демократия" и "либерализм", - которые в последнее время на слуху у всех россиян. В российском общественном сознании эти два понятия воспринимаются не только как однородные, но и, по сути, как тождественные. В действительности между ними существуют важные различия. Либерализм по своему происхождению буржуазен: в эпоху формирования (XVII—XVIII вв.) провозглашенный им приоритет индивидуума, его естественных и неотчуждаемых (в первую очередь на собственность) прав означал защиту интересов именно буржуа, стесненных оковами феодально-монархического общества. Этого не скажешь о демократии: ее приоритет - не личность, а воля большинства, главная заповедь - народный суверенитет, равенство всех граждан в политическом волеизъявлении. В странах Запада вплоть до первой половины XIX века либерализм был или враждебен, или автономен по отношению к демократии. В демократии, особенно в ее "чистых", "прямых" формах, либералы видели угрозу интересам и правам индивидуума, прежде всего праву на собственность. В XIX веке либерализм в значительной мере под давлением средних и низших общественных слоев интегрировал концепцию демократии. В XX веке произошла его дальнейшая качественная эволюция: либерализм становится не только демократическим, но и социально ориентированным, т.е. признающим права широких масс на социальную защиту и обеспеченность. В связи с этим укоренилось и понятие "либеральная демократия", отражающее реальное соединение двух ценностей, нашедших классическое воплощение в странах Запада. Но и в XX веке либерализм и демократия не стали тождественны друг другу, находясь в достаточно сложных, подчас противоречивых отношениях.

В современном российском общественном сознании диалектика взаимоотношений либерализма и демократии не подвергалась критическому рассмотрению, в результате чего происходили абберрация (порой существенная) каждого из этих понятий, теоретическое и идеологическое упрощение и искажение этих ценностей и их взаимоотношений, что получало и практическое выражение. Например, для демократического движения России характерно утверждение, что частная собственность, рынок, индивидуализм, конкуренция (отмечу, что все это ценности либерализма. - В.С.) - самодостаточная база демократии. На практике демократия и тем более социальная

справедливость из этих либеральных ценностей автоматически никогда не вытекали и не вытекают. Их соединение, нахождение той модели "либеральной демократии", которая бы не нанесла ущерба ни либерализму, ни демократии, потребовали от западных обществ длительного исторического периода. Россияне, обнаружившие после 1991 года неприятные для них следствия либеральных реформ, стали испытывать разочарование и в либерализме, и в демократии, не подозревая, что подобные следствия реформ вытекали не из самих либерализма и демократии, а из того варианта их освоения и "скрещивания", который укоренился в России.

Замечу, ценности либерализма и демократии, воспринятые в России как единое целое, в первые годы их освоения обозначались только как "демократические" и ни разу как "либеральные". Понятия "либерализм" и "либеральный" вошли в обиход не ранее 1990 года. В этом можно видеть свою логику и закономерность: до 1990 года в обществе доминировало убеждение в возможности успеха реформ на основе соединения социализма с демократией, но затем, когда это убеждение стало стремительно разрушаться, в России восторжествовало желание "обустроиться" по западной, т.е. либерально-демократической, модели. Тогда-то либеральная демократия сменила демократический социализм в качестве кредо российской модернизации. В контексте этой перемены укоренилось и обрело популярность понятие "либерализм".

Привитию либеральных принципов существенно способствовал горбачевский курс реформ образца 1987-1988 годов. Его концепция демократии включала в себя не только собственно демократические меры (введение альтернативных выборов, отмена цензуры, провозглашение принципа правового государства), но и ряд идей из арсенала либерализма, главными среди которых были естественные и неотъемлемые права человека, рынок и рыночная конкуренция. В целом идейно-политическая концепция Горбачева становилась все более не просто демократической, а именно либерально-демократической, и в ретроспективном рассмотрении провозглашенная им кампания широкой демократизации предстает как первый этап вестернизации российского общества, т.е. внедрения в него либерально-демократических принципов, получивших классическое воплощение в западных странах.

Демократические свободы, введенные Горбачевым, способствовали оформлению радикального движения, перехватившего у архитектора перестройки инициативу в пестовании либеральных принципов. Но и это движение, именовавшееся как радикальное, так и демократическое, до 1990 года соединяло либеральные принципы с приверженностью демократическому социализму. После 1990 года радикалы превращаются в "чистых" либералов, понятие "либерализм" становится в их лексиконе основополагающим, а понятие "социализм" из этого лексикона изгоняется. Возникшие весной-летом 1990 года в лоне радикализма политические партии (Демократическая, Республиканская, Конституционно-демократическая, Либерально-демократическая и Социал-демократическая), как и широкое радикальное движение "Демократическая Россия", действовали под лозунгами "Больше либерализма!" и "Нет социализму!".

На первый взгляд, разьединение социалистических и либеральных идеалов может показаться вполне закономерным преодолением прежней "болезни роста" радикального движения. Однако обращение к опыту западной цивилизации, которая стала образцом для радикалов, такой взгляд опровергает: там либерализм в XX веке не отвергал социализма, а развивался на основе собственной социализации. Так что следование этому опыту отнюдь не предполагало столь жесткого отбрасывания социалистического принципа. Это произошло по иной причине - в, силу логики и особенностей общественно-политических процессов в России.

Фактический провал двух реформаторских моделей Горбачева, одинаково обозначившихся как социалистические, явился причиной глубокого разочарования в социализме разных социальных слоев. КПСС обнаружила неспособность перестроиться сама, а тем более воплотить провозглашенные ею "общечеловеческие ценности" в жизнь. Доверие к ней стремительно падало. В обществе широко распространилось

убеждение, что серьезные экономические реформы на социалистической основе и под руководством КПСС вообще невозможны, а ориентироваться следует на "чистые" либеральные образцы экономического и политического развития. В 1989-1991 годах произошел взрыв прозападных и пролиберальных настроений в обществе: согласно авторитетным социологическим опросам, в 1990 году, например, 96% опрошенных одобряли западную модель [5]. Радикалы чутко отреагировали на "глас народа".

В 1990-1991 годы, когда либерализм достиг наибольшего влияния среди россиян, в нем оформились те характерные черты, которые в будущем неизбежно должны были привести и привели его к кризису. Максимой российского либерализма стало убеждение, что модернизация в России может только копировать западные стандарты. В их усвоении также обозначились свои особенности. Главная заключалась в восприятии российскими радикалами той модели западного либерализма, которая из-за конкретно-исторических перипетий вышла на первый план в странах Запада в 1980-е годы и которую можно было воспринимать непосредственно. Эта модель, ассоциировавшаяся с именами премьер-министра Великобритании М. Тэтчер и президента США Р. Рейгана, может быть определена как буржуазно-индивидуалистический либерализм. По иронии судьбы, либерализм, отстаивавший полную свободу рыночных связей и сводивший роль государства к минимуму, в самих странах Запада уже давно и прочно выполнял функцию консерватизма и чаще всего выступал именно под этим именем. (В устах Р. Рейгана, возглавлявшего Республиканскую партию США, понятие "либерализм" вообще считалось бранным.) Ведущее же течение западного либерализма XX века, ассоциировавшееся с именами Ф. Рузвельта, Д. Кейнса, Д. Гэлбрейта и синтезирующее индивидуализм, демократию и социал-реформизм, российские радикал-либералы или проигнорировали, или объявили несостоятельным.

Подобное восприятие западного либерализма его российскими последователями обернулось игнорированием важнейших уроков ведущей западной идеологии, которые в XX веке восприняты большинством ее представителей. Один из таких уроков касается фундаментальной для либерализма проблемы взаимоотношений между индивидуумом и обществом. Представители ведущего направления западного либерализма XX века отвергли постулат либералов предшествующих веков о том, что индивидуальные интересы, получив полную свободу, автоматически удовлетворяют общий интерес. На самом деле, считает большинство либералов XX века, индивидуумы эгоистичны, в режиме "естественной свободы" обуздать врожденный эгоизм не в состоянии даже лучшие представители рода человеческого. Поэтому гражданское общество и государство обязаны исходя из интересов всех классов и принципов гуманизма разрабатывать и поддерживать "правила игры" в экономике и социальных отношениях. Государственное законодательство, социальные и морально-нравственные нормы, этика признаны важнейшей опорой либеральной полит-экономики.

Следующий важный урок западного либерализма касается взаимоотношения свободы и демократии. Российские радикал-либералы в подходе к этому вопросу продемонстрировали экономический детерминизм, доказывая, что рыночная свобода и частная собственность - главные условия и гаранты демократии. По меркам западного либерализма это крайне упрощенное представление. В действительности чрезмерное возвышение экономической свободы наносит ущерб демократии, и наоборот. Западный либерализм XX века рассматривает их как самостоятельные ценности и нацелен на поиск той меры в их взаимоотношениях, которая позволяла бы им сосуществовать, а не враждовать.

Еще один важный урок западного либерализма, проигнорированный современными российскими либералами, касается проблемы равенства. Российские радикал-либералы, единодушно осудив искусственное уравнильство социалистической системы, प्रति-вопоставили ему в качестве образцовой идею "равенства стартовых возможностей", провозгласившую любое государственное вмешательство, направленное на "выравнивание" условий существования индивидуумов, порочным и антилиберальным.

Каждый должен получать то, что он заслуживает в результате своих индивидуальных способностей. По меркам западного либерализма XX века подобное представление считается анахронизмом. Простое отстранение государства от участия в социальных взаимоотношениях отнюдь не обеспечивает "равенства возможностей", ибо в этом случае "стартовые возможности" индивидуумов зависят от их семейного происхождения: выходцы из богатых семей автоматически приобретают шанс получить гораздо лучшее образование, воспитание, медицинское обслуживание, не говоря уже о явных преимуществах в виде наследуемых финансов и недвижимости. По этой причине государство, стремясь обеспечить возможность для полной реализации индивидуальных способностей представителям разных классов, обязано обеспечить доступ к образованию, медицинскому обслуживанию, иным жизненно важным сферам тем социальным слоям, которые из-за своего происхождения и материального положения не в состоянии самостоятельно обеспечить для себя "равные стартовые возможности".

Ярко выраженной чертой российского радикал-либерализма оказался утопизм, выразившийся в игнорировании как реальных органических характеристик российского общества и цивилизации, так и реальных возможностей России рубежа 1980-1990-х годов для воплощения западных образцов. Выразители радикал-либерализма, равнявшиеся на западные стандарты при определении целей российских реформ, игнорировали факты вопиющей отсталости России по основным экономическим показателям от идеала. Были провозглашены необходимость и возможность быстрого создания в России "среднего класса", который в странах Запада составляет не менее двух третей общества, являясь прочной основой и социальной стабильности, и политической демократии. "Упускалось из виду", однако, что материальные основы создания среднего класса в России, где производство валового национального продукта на душу населения было в 3-5 раз меньше, чем в странах Запада, отсутствовали. Другой популярной идеей российских либералов был перевод сельского хозяйства на фермерский путь, который, согласно их утверждениям, позволил бы не только быстро накормить Россию, но и начать экспорт зерна. Но ни разу не приводились экономические расчеты, призванные ответить на вопросы: как можно совершить этот "большой скачок", если Россия по урожайности зерна отставала от Вьетнама, Замбии, Пакистана, Бангладеш и Никарагуа, и как можно осуществить массовую фермеризацию, если отсутствовали необходимые производственная база и социокультурные предпосылки?

Для либерально-радикальной идеологии характерно утверждение о возможности быстрого и безболезненного для населения перевода всей экономики на рыночные рельсы. Согласно известному плану "500 дней", в течение этого срока следовало осуществить и крупномасштабную приватизацию, и демонополизацию, и структурную перестройку промышленности, а затем достигнуть экономической стабилизации по всем основным показателям.

Столь же оптимистичны и, как сегодня очевидно для большинства россиян, утопичны были радикально-либеральные планы политического обустройства России: у их выразителей не возникало никаких сомнений, что многопартийность, политический плюрализм, разделение властей и правовое государство утвердятся в России быстро и безболезненно.

Утопические черты идеологии и конкретных обещаний радикал-либералов выявились уже в первые месяцы их практической деятельности в 1991 году, а в полной мере раскрылись к концу 1992 года, когда стали ясны результаты реформ, связываемых с именем Гайдара. Многие лидеры и участники российского радикального движения, не вошедшие во властные структуры, подвергли гайдаровские реформы острой критике, пытаясь доказать, что они не соответствуют радикально-либеральным заповедям. По моему же заключению, объективное сравнение реформ Гайдара и радикально-либеральной программы 1989-1991 годов обнаруживает, что при определенных разногласиях (например, в отличие от радикально-либеральной программы Гайдар по объективным причинам вынужден был "освободить цены" на несколько

месяцев раньше запуска процесса приватизации) им присуще теоретическое единство, а введение капитализма в России соответствовало логике радикал-либерализма.

В рамках данной статьи невозможно раскрыть содержание гайдаровских реформ, как и практическую реализацию либерально-радикальных схем в период после 1991 года, показать их минусы и плюсы (а такие, безусловно, имелись). Укажу на некоторые наиболее важные несовпадения между идеологическими обещаниями радикал-либералов и практическими результатами их деятельности.

Одна из главных реформ Гайдара и радикал-либералов - введение свободы в промышленности - должна была стать основой структурных изменений. Свободная конкуренция была призвана отобрать те товары (и товаропроизводителей), которые бы удовлетворяли потребности общества, и отторгнуть те, которые ему не нужны. Но в действительности по ряду причин экономическая свобода привела к жесточайшему кризису большинство предприятий, погрязших во взаимных долгах. Эта проблема осталась дамкловым мечом российской промышленности и в дальнейшем, парализовав инвестиционный процесс и возможность какого-либо роста производства. В самом тяжелом положении фактически "ненужными" рынку оказались наукоемкие отрасли. Экономическая свобода вместо ожидавшейся структурной перестройки породила процесс деиндустриализации страны.

Особые надежды либеральные реформаторы возлагали на ваучерную приватизацию, которая, согласно их обещаниям, должна была превратить массы россиян в средний класс - собственников и акционеров. Исходя из оценки имущества российских предприятий на 1 января 1992 года в 1,4 трлн руб., каждому россиянину был выдан приватизационный чек в 10 тыс. руб. Но вследствие инфляции и кризиса сбыта только взаимные долги предприятий к середине 1992 года (т.е. еще до начала приватизации) в полтора раза превысили эту сумму, что лишило большинство россиян шансов на приобретение доходных акций и вхождение в средний класс. Так рухнула идея о быстром создании в России среднего класса и построении народного капитализма. Вместо этого восторжествовала тенденция, которая обозначилась еще во времена Горбачева, - "трансформация власти в собственность", т.е. приобретение ее советской промышленно-чиновничьей и партийной бюрократией. В результате номенклатурный социализм перерос в номенклатурный капитализм.

Не выдержали испытания на прочность и политические обещания демократов. "Разделение властей" обернулось борьбой исполнительной и законодательной властей. Вместо обещанного "правового государства" стал утверждаться чиновничий произвол. В целом вместо обещанной радикальными либералами североамериканской или западноевропейской модели стала утверждаться смесь раннекапиталистической и латиноамериканской моделей. Подобные результаты реформ имели одним из главных следствий "кризис доверия" россиян не только к новой власти, но и к либерализму, под знаменем которого осуществлялись реформы.

Показателем резкого упадка влияния либерализма образца 1989-1991 годов является то, что большинство его представителей оказались отброшенными на обочину российской политики. Начиная с 1993 года, в российском либерализме происходит важная качественная перемена: радикал-либерализм утрачивает роль его доминирующего течения, а на ведущую позицию выходит социал-либерализм.

Политическое выражение размежевание либерализма получило впервые в декабре 1993 года в ходе выборов в Федеральное Собрание. Радикал-либерализм был представлен движением "Выбор России" во главе с Е. Гайдаром, а социал-либерализм - сразу несколькими движениями, главным среди которых оказалось "Яблоко" во главе с Г. Явлинским. Соотношение сил между двумя течениями в последующем менялось неизменно в пользу социал-либерализма, который стал демократической альтернативой радикал-либерализму. На декабрьских выборах 1995 года "Яблоко" вошло в четверку политических объединений, победивших на выборах в Государственную Думу по партийным спискам, в то время как гайдаровский "Демократический выбор России" не смог преодолеть пятипроцентный рубеж, необходимый для вхождения в

законодательный орган. Наряду с "Яблоком" среди социал-либеральных групп стали заметны движение "Вперед, Россия!" во главе с Б. Федоровым и объединение "Общее дело" во главе с И. Хакамадой.

Исходный постулат социал-либерализма состоит в осуждении курса радикал-либералов на реформы в интересах меньшинства или, если воспользоваться определением Хакамады, как "нового издания классовой политики" [6]. Тезису Гайдара о том, что сначала нужно заложить основы капитализма, а уж потом размышлять об его оптимальной модели, противопоставляется положение о необходимости проведения реформ на основе "завоевания социального большинства в реально существующем переходном обществе" [6]. То есть социал-либералы признали мифом радикально-либеральную идею о возможности быстрого создания "западного" среднего класса в России и использовании его как социальной основы реформ.

Своей опорой социал-либералы избрали коалицию социальных сил, в которую входят широкие слои промышленного и сельского предпринимательства, интеллигенция, трудящиеся. В качестве незамедлительной меры они предложили в два раза увеличить расходы на образование, науку и культуру. Б. Федоров в программе движения "Вперед, Россия!" обещает в течение трех лет увеличить расходы на образование до 10% бюджета (в настоящее время около 3,5%) и на науку до 7% (в настоящее время 2,6%). Отвергается принцип остаточного финансирования социальной сферы. Наиболее радикальная программа ее реформирования выдвинута Б. Федоровым, предложившим программу помощи "забытым россиянам". Она обещает повысить минимальные пенсии по труду в течение четырех лет до 60% средней зарплаты, реализовать президентскую программу строительства жилья для малоимущих, расширить льготы инвалидам и ветеранам [7].

В сфере бизнеса приоритетными объявлены ослабление номенклатурного капитализма и активная помощь независимому предпринимательству, в первую очередь фермерам и мелкому бизнесу. Среди антимонополистических мер выделяется требование государственного регулирования цен на продукцию естественных монополий (газ, нефть, электроэнергия, коммунальные платежи, транспорт). В сфере приватизации предлагается исключительно аукционная продажа госпакетов, с тем чтобы пресечь узурпацию госсобственности номенклатурой.

Социал-либералы возродили знаменитое ельцинское требование борьбы с привилегиями бюрократии, направив его против самого Ельцина и его окружения, которые вместо обещанной отмены привилегий госпартноменклатуры осуществили их присвоение в собственных интересах.

В отличие от радикал-либералов, социал-либералы ввели в свои программы специальные разделы по поддержанию общественного порядка и морали (запрет сквернословия в общественных местах, борьба с порнографией и проституцией, соблюдение возрастных ограничений при демонстрации фильмов, спектаклей, концертов и т.д.) В отличие от радикал-либералов, социал-либералы выступают сторонниками "цивилизационного национализма", означающего пестование патриотических чувств, осознание цивилизационных и национальных интересов России, их защиту.

В целом социал-либерализм нацелен на преодоление разрыва между либерализмом и демократией, который образовался в результате деятельности радикал-либералов. Казалось бы, его программа должна быть весьма привлекательной в глазах масс и завоевать их широкую поддержку. Однако на протяжении вот уже трехлетней активной политической деятельности социал-либералам не удалось получить такую поддержку общества, которая была оказана либеральному движению в 1990-1991 годы. Причина этого, на мой взгляд, заключается отнюдь не в том, что современный российский социал-либерализм хуже либерализма образца 1991 года. Напротив, он более гуманен и демократичен. Дело в том, что радикальные реформы нанесли чувствительный удар по имиджу либерализма в целом, так что политические силы, продолжающие выступать под его знаменами, наталкиваются и будут наталкиваться на недоверчивое или настроенное отношение масс. Не случайно, что образованное

в 1995 году движение "Наш дом Россия", выражающее правительственную линию, а следовательно, приверженное либеральным реформам, сочло за благо в своем программном документе не пугать россиян либеральными намерениями. "Либеральный этап реформирования российской экономики закончен", - говорится в нем [8].

Неудивительно, что в преддверии июньских (1996 г.) президентских выборов в России, имевших решающее значение для ее общественно-политического развития на последующие четыре года, жизнеспособность российского либерализма вообще была поставлена под сомнение. Из восьми зарегистрировавшихся кандидатов в президенты только Г. Явлинский осмеливался открыто называть себя либералом. Другие претенденты, в том числе Б. Ельцин, в программах которых явно присутствовали либеральные принципы, предпочитали в своей пропаганде делать упор на принципы государственности и социальности. Любопытно, что один из претендентов, С. Федоров, который в прежние годы, безусловно, числил себя среди либералов, а свою программу называл "народным капитализмом", предпочел переименовать ее в "народный социализм". Длительное время фаворитом кампании был лидер коммунистов Г. Зюганов.

Несмотря на явно неблагоприятную для либеральной демократии расстановку сил, она в конечном итоге смогла одержать победу над державно-коммунистическими силами. Причины этого, хотя и весьма скромного, но все же успеха либеральной демократии разнообразны, но главную роль, как признало большинство экспертов, сыграл страх россиян перед возможностью реставрации коммунистического режима. Крепя сердце, они дали либеральной демократии еще один шанс на продолжение российских реформ.

Выборы 1996 года выявили и новую расстановку сил среди тех политиков, которые, не называя себя либералами, так или иначе приемлют основополагающие принципы либерализма. Выборы закрепили размежевание в российском либерализме, которое в будущем, по-видимому, еще более упрочится. В перспективе обозначается конкуренция различных течений российского либерализма, главные среди которых: радикал-либерализм, социал-либерализм и национал-либерализм. Каковы перспективы каждого из этих течений?

Радикал-либерализм, господствовавший идеологически в российском демократическом движении образца 1989-1991 годов, занимает явно маргинальное положение. Таковым ему суждено оставаться и в будущем. При этом его историческая роль в прошлом не может быть преуменьшена: радикал-либерализм сумел разрушить коммунистические опоры и помог России совершить прорыв в рыночные отношения. Но со временем становилось все более очевидно, что радикально-либеральная идея обустройства России по классическому западному образцу не более, чем утопия, и что в российских условиях радикал-либерализм ведет к социально-экономической поляризации общества, бедности большинства и увековечивает власть бюрократического менклатурного капитализма.

Зато на одной из ведущих позиций закрепился социал-либерализм. Во время избирательной кампании 1996 года с социально-либеральной позиции открыто выступал Явлинский. Социально-либеральный подход присутствовал и в кампании Ельцина, хотя он в своих выступлениях тщательно избегал каких-либо идеологизмов. Для обоих политиков было характерно признание чрезмерной социальной цены радикально-либеральных реформ. Жестко осудил радикально-либеральное реформаторство Явлинский: "Экономический курс, предложенный Гайдаром в 1992 году, был дискредитирован в глазах значительной части населения... Курс Гайдара привел к ухудшению жизненного уровня огромного количества людей... На одной позиции я буду стоять насмерть: никакие реформы больше не должны приводить к ухудшению положения большинства населения моей страны".

Объявив себя "последовательным демократом и либералом", Явлинский назвал главной целью своего движения "создание российского демократического правового государства с рыночной социально ориентированной экономикой" [9]. Признание частной собственности, рынка и предпринимательства столпами российской экономики

дополняется в программе социального либерализма требованием считать высшей ценностью общества "квалифицированный труд", а приоритетами - "интересы значительной части российского общества, и прежде всего - инженеров, учителей, врачей, научных работников, офицерского корпуса армии и милиции, специалистов ВПК, квалифицированных рабочих, государственных служащих - всех, кто работает минимум 8 часов и живет в основном на зарплату" [10]. Объяснимо появление в программе экономических и социальных мер, выдержанных в кейнсианском духе [9, 10].

Социально-либеральная программа Явлинского получила в ходе избирательной кампании поддержку со стороны научно-технической и творческой интеллигенции. Явлинский занял в избирательной гонке почетное четвертое место, но количество собранных им голосов (7,5%), примерно повторяющее "уловы" прежних избирательных кампаний "Яблока", свидетельствовало об исчерпанности возможности расширения социальной базы.

На фоне этого результата подлинной сенсацией можно считать политический успех течения, которое я определяю как национал-либерализм и которое в качестве кандидата в президенты представлял А. Лебедь. Набрав в первом туре 15% голосов и заняв третье место, Лебедь затем, вступив в политический альянс с Ельциным, обеспечил последнему внушительную победу во втором туре президентских выборов.

Термин "национал-либерализм" пока не введен в российский политический обиход, а в отношении движения, ассоциирующегося с Лебедем, не применялся ни его сторонниками, ни экспертами. Тем не менее, на мой взгляд, данный термин вполне соответствует той идеологии и программе, которые получили оформление в ходе избирательной кампании Лебеда.

Речь идет не столько о мировоззрении Лебеда, которое остается весьма изменчивым, сколько о той части его избирательной идеологии, в формировании которой активное участие приняли люди, давно числящиеся среди идеологов либерализма (В. Найшуль, Л. Радзиховский и др.).

Национал-либерализм, подобно другим течениям либерализма, признает в качестве фундаментальных ценностей частную собственность, рынок, плюрализм, политическую демократию. Вместе с тем он претендует на замену абстрактных или позаимствованных из западной практики либеральных моделей моделью национальной либеральной экономики и национальной либеральной политики. В отличие от социал-либерализма, национал-либерализм объявляет утопичной в российских условиях модель "государства всеобщего благосостояния" и требует одобрить только строго реалистичные социальные программы. Он также отвергает ориентиры радикал-либерализма на монетаристские способы стабилизации и поощрения экономики и отводит особую роль в ее подъеме внеэкономическому фактору - государству. В создании нового государства национал-либерализм видит ключ к успешным реформам. Боевым лозунгом Лебеда в качестве кандидата в президенты стало освобождение государства от всевластия бюрократических, номенклатурных и криминальных структур. Именно эти структуры узурпируют плоды реформы, не дают рынку и конкуренции приобрести демократический, созидательный характер. Они должны быть разрушены без промедления, и, как утверждает Лебедь, через два-три года в стране начнется настоящий экономический бум [11, 12].

К основным задачам государства национал-либерализм относит защиту национальной промышленности, освобождение рыночных реформ от "указаний МВФ", активизацию духовного и интеллектуального потенциала России, "государственную поддержку уникальной русской культуры", "сохранение таких моральных ценностей, как доброта, правда, справедливость, ответственность, трудолюбие, милосердие, коллективизм". "Правда и порядок" - этот главный лозунг кампании Лебеда - вносит в либерализм столь дорогую россиянам идею справедливости.

Возникновение национал-либерализма закономерно: оно означает не что иное, как приспособление общих принципов либерализма к специфическим условиям России. Напрашивается и очевидная критика в адрес этого течения: присутствующие в нем эле-

менты державности и национализма представляют опасность для собственно либеральных принципов. Эта опасность реальна, но не фатальна: опыт ряда западных стран, являющихся образцы классического либерализма, показывает, что они прошли через этап национал-либерализма, способствовавшего становлению как рынка, так и политической демократии. Судьба национал-либерализма в России будет зависеть от соотношения общественно-политических сил, общественного мнения, эволюции массового сознания.

Предпринятые в России исследования массового сознания свидетельствуют, что в период перестройки и в посткоммунистический период либеральные ценности пустили корни в ментальности россиян¹. Можно выявить и предпочтения населения относительно различных типов либерализма. Очевидно, что радикал-либерализм после 1991 года утратил влияние в массовом сознании. Так же очевидно, что те граждане (а они, по данным социологических исследований, составляют относительное большинство населения), которые одобряют хотя бы некоторые из основополагающих ценностей либерализма, предпочитают либерально-государственную модель как своеобразный синтез социал- и национал-либерализма.

Подавляющее большинство россиян одобряют политическую либерализацию и демократизацию, прежде всего ликвидацию цензуры, введение свободы слова, собраний, митингов, шествий, политическую состязательность и плюрализм, альтернативные выборы, снятие ограничений на зарубежные поездки и т.д. Большинство признает положительной легализацию частной собственности, права на свободное распоряжение ею, выступает против ограничений роста доходов и заработной платы, если это зависит от личной предприимчивости и квалификации индивидуума.

Вместе с тем очевидно одновременное появление "национальных" и "государственных" акцентов в сознании россиян. Так, большинство согласно на продажу акций госпредприятий отечественным предпринимателям, но решительно возражает против их продажи зарубежным предпринимателям. Резко уменьшилось число чистых "западников" среди россиян. Если в 1991 году подавляющее большинство предпочитало американскую, германскую или шведскую модели преобразований, то в середине 1990-х годов число поборников этих моделей не превысило 2-3%. Около половины всех опрошенных полагают, что Россия должна сочетать в своем развитии ориентацию на западные и традиционные русские ценности и стандарты. Почти половина — за преобладание национальной культуры и духовных ценностей и стандартов.

Либеральное сознание наших граждан крайне противоречиво и соединяет подчас противоположные ценности и установки. Так, одобрение свободы предпринимательства и труда сочетается с признанием обязательства государства гарантировать каждому россиянину право на труд. Большинство опрошенных остаются государственниками и включают в круг обязанностей государства перечень, не типичный для образцовой либеральной идеологии.

Итог второго "пришествия" либерализма в Россию выглядит сегодня противоречивым и неопределенным. С одной стороны, либеральные и демократические новшества, путившие корни в России в течение нескольких лет после господства коммунистического режима, можно считать одной из исторических сенсаций XX века. С другой стороны, эти нововведения в результате (но не только) просчетов радикальной модернизации, ее высокой социальной экономической цены остаются зыбкими. Современное российское общество нельзя охарактеризовать как либеральное или демократическое, а тем более как либерально-демократическое. Так же трудно утверждать, что процесс либерализации и демократизации в России приобрел необратимый характер. Переходное состояние России продлится еще долго, а следовательно, длительный период будет сохраняться высокая степень альтернативности ее общественно-исторического развития.

¹ Для нашего анализа особенно полезны исследования Фонда "Общественное мнение" под руководством профессора И. Клямкина, проведенные в 1993-1996 годах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тимофеев Л. Большая растрата // Известия. 1993. 26 февраля.
2. Тимофеев Л. Все русское печально // Известия. 1995. 31 октября.
3. Гайдар Е. Новый курс // Известия. 1994. 10 февраля.
4. Гайдар Е. Испытание выборами // Известия. 1995. 28 августа.
5. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения // Информационный бюллетень ВЦИОМ. 1993. № 6. С. 14.
6. Хакамада И. Уроки декабря, февраля, марта // Независимая газета. 1994. 26 апреля.
7. Вперед, Россия! Либеральный план для России. М., 1995.
8. Партия управленцев-профессионалов // Вечерняя Москва. 1995. 14 декабря.
9. Известия. 1995. 15 декабря.
10. Известия. 1996. 18 мая.
11. Известия. 1996. 24 мая.
12. Известия. 1996. 31 мая.

© В. Согрин, 1997